

Опытъ анализа осеннихъ мотивовъ въ творчествѣ Пушкина.

I.

„Осень подходит. Это любимое мое время—здоровье мое обыкновенно крѣпнеть—пора моихъ литературныхъ трудовъ настаётъ“ ¹⁾, читаемъ мы въ одномъ изъ Пушкинскихъ писемъ, которое, какъ всѣ вообще письма Пушкина, великолѣпно объясняетъ и черты его характера, и его привязанности, и увлеченія, и планы работъ, и взгляды на искусство.

Письма Пушкина кромѣ ихъ автобіографическаго значенія имѣютъ огромную литературную цѣнность. „Взыскательный художникъ“, такъ тщательно работавшій надъ русскимъ стихомъ, относившійся съ такой строгостью къ каждой своей строчкѣ, умѣвшій обдумывать каждое слово—взыскателемъ и въ письмахъ своихъ, доказательствомъ чему служатъ черновики и неоднократныя поправки.

Въ письмахъ та же простота и прямота.

„Это любимое мое время“ ²⁾, „мнѣ и стихи въ голову не лѣзутъ, хотя осень чудная и дождь, и снѣгъ, и по колѣно грязь“ ³⁾, „погода у насъ портится, кажется, осень наступаетъ не на шутку. Авось разпишусь“ ⁴⁾, „эдакъ я и осень мою прогуляю“ ⁵⁾. „Осень начинается. Авось засяду“ ⁶⁾.

¹⁾ Переписка подъ ред. В. И. Саитова № 472.

²⁾ Переписка № 472.

³⁾ Переписка № 481.

⁴⁾ Переписка № 936.

⁵⁾ Переписка № 929.

⁶⁾ Переписка № 931.

Этo' въ письмахъ, а вотъ и въ стихахъ такъ же просто и ясно:

Въ мои осенніе досуги,
Въ тѣ дни, какъ люблю мнѣ писать,
Вы мнѣ совѣтуете, други,
Разсказъ забытый продолжать.

Или:

Теперь моя пора...

или:

И съ каждой осенью я разцвѣтаю вновь;
Здоровью моему полезень русскій холодъ;

или:

Сказать вамъ *откровенно*
Изъ годовыхъ временъ я радъ лишь ей одной.

Вотъ это „откровенно“ и замѣчательно въ Пушкинѣ. Эта откровенность сближаетъ слова простого дружескаго письма со словами художественными, гениальными. Нѣтъ ни одной метафоры, ни одного эпитета въ приведенныхъ выше стихахъ, „здѣсь, какъ писалъ Гоголь, нѣтъ краснорѣчія, здѣсь одна поэзія: никакого наружнаго блеска, все просто, все прилично“.

Съ обыкновенной для Пушкина прямою онъ просто заявляетъ, что любить осень и такъ же просто, что не любить весны:

Теперь моя пора: я не люблю весны.

Любимую часть „годового времени“ Пушкинъ почти всегда проводилъ среди природы.

9-го Августа 1824-го года онъ явился, высланный изъ Одессы, въ Михайловское, гдѣ его ожидало столкновение съ отцомъ. „Это пахнетъ, пишетъ онъ Жуковскому, палачемъ и каторгой“¹⁾... „Спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ

¹⁾ Переписка № 111.

монастырем“¹⁾, а фонь-Адеркаса онъ въ официальной бумагѣ просить: „рѣшаюсь для его спокойствія и своего собственнаго просить Его Императорское Величество да соизволить меня перевести въ одну изъ своихъ крѣпостей“²⁾.

Легко понять мрачный характеръ этихъ словъ. Пребываніе въ Михайловскомъ было вынужденнымъ. Говоря про свое заточеніе, Пушкинъ писалъ, что ему „душно“ въ Михайловскомъ. Онъ мечтаетъ о „коляскѣ“, т. е. побѣгѣ въ Европу. „Если царь дастъ мнѣ свободу, пишеть онъ позже, въ 1826 году, то я мѣсяца не останусь. Когда воображаю Лондонъ, чугунныя дороги, то мое *глухое* Михайловское наводитъ на меня тоску и бѣшенство... удраль въ Парижъ и никогда въ проклятую Русь не воротится—ай-да умница“³⁾.

Но въ томъ же письмѣ есть замѣчательное свидѣтельство объ истинной любви къ родинѣ: „Я, конечно, презираю отечество мое съ головы до ногъ—но мнѣ досадно, если иностранецъ раздѣляетъ со мною это чувство“⁴⁾. Въ „глухомъ“ Михайловскомъ Пушкинъ томился, ему было дѣйствительно „душно“. Онъ былъ „на привязи“. „Ты, который не на привязи, какъ ты можешь оставаться въ Россіи?“⁵⁾—спрашиваетъ онъ Вяземскаго. „Къ довершенію благополучія, начался дождь, съ тѣмъ, конечно, чтобы не переставать до самаго саннаго пути“⁶⁾. „Погода ужасная“⁷⁾. Княжевичу Пушкинъ пишеть въ 1824 году: „здѣсь нѣтъ ни моря, ни голубова неба полудня, ни Италіанской оперы, ни васъ, друзья мои. Уединеніе мое совершенно, праздность торжественна“⁸⁾. Онъ одинъ въ Михайловскомъ, вдали отъ друзей. „У насъ очень дождикъ шумить, вѣтеръ шумить, лѣсъ шумить, шумно, а

1) Переписка № 103.

2) Пер. № 102.

3) Пер. № 257.

4), 5) Пер. № 257.

6) Пер. № 477.

7) Пер. № 478.

8) Пер. № 112.

скучно“ ¹⁾), пишетъ онъ Плетневу въ 1825 году. Что-то жуткое и унылое въ этихъ словахъ, въ этомъ троекратномъ „шумить“; и потомъ мы знаемъ, что это „откровенно“. „Шумно, а скучно“. „Жаль что я не буду его шаферомъ“ ²⁾). Помните Пушкинъ друзей, съ простымъ любопытствомъ разспрашиваетъ Плетнева: „женится ли Дельвигъ? Опиши мнѣ всю церемонію“ ³⁾).

Письма Пушкина носятъ иной разъ характеръ разговора. Въ письмахъ его встаетъ жизнь и слышится иногда въ многочисленныхъ вопросахъ его живая рѣчь.

Это вынужденное пребываніе въ „глухомъ“ Михайловскомъ окончилось 8-го сентября 1826 года, когда Пушкинъ, по приказанію Николая I, привезенъ былъ въ Москву.

Черезъ два мѣсяца онъ опять вернулся въ Михайловское. „Есть какое то поэтическое наслажденіе возвратиться вольнымъ въ тюрьму“ ⁴⁾), пишетъ Пушкинъ Вяземскому 9-го ноября 1826 года.

Затѣмъ въ 1827 году онъ опять пріѣзжалъ въ Михайловское на два мѣсяца. Осенью 1828-го и 1829-го года былъ въ Малинникахъ, осень 1830-го года провель въ Болдинѣ, гдѣ писалъ больше всего. „Скажу тебѣ, что въ Болдинѣ писалъ, какъ давно уже не писалъ“ ⁵⁾), читаемъ въ письмѣ къ Плетневу.

Осень 1830-го года была тревожна по заботамъ о невѣстѣ и омрачена опять вынужденнымъ пребываніемъ, вслѣдствіе бушевавшей „Колеры Морбусъ“.

„Грустно, тоска, тоска. Дѣла будущей тещи моей разстроены. Свадьба моя отлагается день отъ дня далѣе. Между тѣмъ я хладѣю, думаю о заботахъ женатаго человѣка, о прелести холостой жизни... Осень подходитъ. Это любимое мое время—здоровье мое обыкновенно крѣпнетъ—пора моихъ

¹⁾, ²⁾, ³⁾—Переписка № 188.

⁴⁾ Пер. № 282.

⁵⁾ Пер. № 496.

литературныхъ трудовъ настаеть—а я долженъ хлопотать о приданомъ, да о свадьбѣ, которую сыграемъ богъ вѣсть когда. Все это не очень утѣшно. Ёду въ деревню. Богъ вѣсть буду-ли тамъ имѣть время заниматься, и душевное спокойствіе, безъ котораго ничего не произведешь кромѣ эпиграммъ на Каченовскаго... Чортъ меня догадалъ бредить о щастіи, какъ будто я для него созданъ“¹⁾, пишетъ Пушкинъ Плетневу 31-го августа изъ Москвы, а изъ Болдина ему же пишетъ: „Теперь мрачныя мысли мои поразсѣялись, пріѣхаль я въ деревню и отдыхаю, около меня Колера Морбусъ. Знаешь ли что это за звѣрь?“²⁾.

Есть упоеніе въ бою,
И бездны мрачной на краю,
.
И въ Аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи Чумы

неволью припоминаются написанные въ этомъ же году, тутъ же въ Болдинѣ, стихи.

„Ты не можешь себѣ вообразить, какъ весело удрать отъ невѣсты, да и засѣсть стихи писать“³⁾. „Въѣздъ въ Москву запрещень, и вотъ я запертъ въ Болдинѣ“⁴⁾, пишетъ Пушкинъ своей невѣстѣ. „Въ Болдинѣ, все еще въ Болдинѣ“⁵⁾. „Итакъ, вы видите, что мое пребываніе здѣсь вынужденное“⁶⁾.

Но это *вынужденное* пребываніе ознаменовалось чрезвычайной плодовитостью поэта. „Нынѣшняя осень, пишетъ онъ Дельвигу, была дѣтородна“⁷⁾.

Въ Болдинѣ въ 1830-мъ году было написано: двѣ послѣднія главы „Евгенія Онѣгина“, „Домикъ въ Коломнѣ“,

1) Переписка № 472.

2) Пер. № 475.

3) Пер. № 475.

4) Пер. № 478.

5) Пер. № 488.

6) Пер. № 490.

7) Пер. № 483.

„Скупой Рыцарь“, „Моцартъ и Сальери“, „Пиръ во время чумы“, „Донъ-Жуанъ“, тридцать мелкихъ стихотвореній и „Повѣсти Бѣлкина“, „отъ которыхъ, какъ писалъ Пушкинъ Плетневу, Боратынскій ржетъ и бьется“. Въ 30-мъ году впервые встрѣчаемъ у Пушкина сонеты (3) и октавы—„Осень“ и упомянутый раньше „Домикъ въ Коломнѣ“.

Въ 1831-мъ году осень провелъ Пушкинъ частью въ Царскомъ Селѣ, частью въ Петербургѣ. Въ 1832-мъ году—въ Москвѣ. Въ 1833-мъ году, послѣ путешествія и собиранія матеріаловъ для исторіи Пугачева, 1-го октября онъ пріѣхалъ въ Болдино и оставался тамъ до половины ноября. Эти полтора мѣсяца пребыванія въ Болдинѣ ознаменовались созданіемъ „Мѣднаго Всадника“. Въ 1834-мъ году до октября Пушкинъ былъ въ Болдинѣ. Осенью 1835-го года, послѣ десятилѣтняго промежутка Пушкинъ въ послѣдній разъ былъ въ Михайловскомъ, о которомъ писалъ женѣ: „Въ Михайловскомъ нашель я все по старому, кромѣ того, что нѣтъ ужъ въ немъ няни моей, и что около знакомыхъ старыхъ сосенъ поднялась, во время моего отсутствія, молодая сосновая семья, на которую досадно мнѣ смотрѣть, какъ иногда досадно мнѣ видѣть молодыхъ кавалергардовъ на балахъ, на которыхъ уже не пляшу“¹⁾).

А въ стихахъ „Вновь я посѣтилъ“ находимъ то же чувство и почти тѣ же слова:

Вотъ опальный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моей.
Уже старушки нѣтъ:
. три сосны
Стоять, одна по-одаль, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко.
. здравствуй, племя
Младое, незнакомое!

¹⁾ Переписка № 933.

Осенью этого года Пушкинъ мало работалъ. „Писать не начиналъ и не знаю, когда начну“ ¹⁾. „Я все безпокоюсь и ничего не пишу, а время идетъ“. „Ты не можешь вообразить, какъ живо работаетъ воображеніе, когда сидимъ одни между четырехъ стѣнъ или ходимъ по лѣсамъ, когда никто не мѣшаетъ намъ думать—до того, что голова закружится“ ²⁾. „Вообрази, что до сихъ поръ я не написалъ ни строчки, а все потому, что неспокоенъ“ ³⁾. „Ни стиховъ, ни прозы писать и не думаю“ ⁴⁾.

Эта предпоследняя осень была тяжелою для поэта. Тяжелы были и свѣтскія отношенія, тяжело было и съ женой: „Все кругомъ меня говоритъ, что я старѣю“ ⁵⁾. „Не замѣчай ты, мой другъ, того, что я слишкомъ замѣчаю“ ⁶⁾, съ горькой улыбкой пишетъ онъ женѣ. „Что у насъ за погода. Вотъ ужъ три дня, какъ я только что гуляю, то пѣшкомъ, то верхомъ. Эдакъ я и осень мою прогуляю, и коли Богъ не пошлетъ намъ порядочныхъ морозовъ, то возвращусь къ тебѣ не сдѣлавъ ничего“ ⁷⁾.

Покоя и сосредоточенности былъ лишень Пушкинъ совершенно въ этотъ годъ, тяжелый и тревожный.

„Пишу, черезъ пень колоду валю“ ⁸⁾. „Для вдохновенія нужно сердечное спокойствіе, а я совсѣмъ неспокоенъ“ ⁹⁾. „Такой бесплодной осени отроду мнѣ не выдавалось“ ¹⁰⁾, пишетъ онъ Плетневу въ первой половинѣ октября.

И наконецъ послѣднюю осень своей жизни Пушкинъ провелъ въ Петербургѣ.

¹⁾ Переписка № 929.

²⁾ Пер. № 931.

³⁾ Пер. № 933.

⁴⁾ Пер. № 935.

⁵⁾ Пер. № 933.

⁶⁾ Пер. № 933.

⁷⁾ Пер. № 929.

⁸⁾ Пер. № 939.

⁹⁾ Пер. № 939.

¹⁰⁾ Пер. № 939.

Въ своихъ запискахъ или *mémoires*, какъ называлъ ихъ самъ Пушкинъ, онъ въ 1824 году подъ 19 ноября записываетъ: „Вышелъ изъ лица, я тотчасъ почти уѣхалъ въ Псковскую губернію моей матери. Помню, какъ обрадовался сельской жизни, русской банѣ, клубникѣ и проч., но все это нравилось мнѣ не долго. Я любилъ и доселѣ люблю шумъ и толпу“.

Въ 1826 году вернувшись обратно, вскорѣ послѣ разрѣшенія покинуть Михайловское, Пушкинъ пишетъ Плетневу: „Вотъ я въ деревнѣ. Деревня мнѣ пришлѣ какъ то по сердцу. Ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встрѣча моей дворни, хамовъ и моей няни—ей Богу пріятнѣй щекотить сердце, чѣмъ слава, наслажденіе самолюбія, разсѣянности и проч.“¹⁾

Главными пунктами деревенской жизни Пушкина были Михайловское и Болдино. Они то и отразились въ его стихахъ. Тригорское, Малинники, Голубово, Св. Горы, Михайловское и Болдино—вотъ источники, которыми пользовался Пушкинъ въ своихъ описаніяхъ природы.

Кому довелось побывать въ этихъ живописныхъ „историческихъ“ мѣстахъ, гдѣ живы еще преданія о Пушкинѣ, тотъ легко возстановитъ въ памяти при видѣ Святогорскаго монастыря и озера—монаха скитающагося, а проѣзжающій не въ объѣздъ на косогорахъ вспомнить „телѣгу жизни“, а въ прогулкѣ къ Пушкинскимъ соснамъ, которыхъ, впрочемъ, уже не существуетъ, вспомнится:

здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда переростешь моихъ знакомцевъ.

Въ разны годы
Подъ вашу сѣнь Михайловскія рощи,
Являлся я!

¹⁾ Переписка № 282.

И „веселымъ юношей“, чтобъ обрадоваться сельской жизни и русской банѣ, и „усталымъ пришельцемъ“, „ожесточеннымъ“ отъ „борьбы неровной“, какъ въ послѣдній разъ, являлся Пушкинъ въ свое „глухое“ Михайловское.

II.

Природа Михайловскаго и Болдина — вотъ природа подъ перомъ Пушкина.

„Здѣсь нѣтъ ни моря, ни голубова неба полудня“.

Смотри, какой здѣсь видъ: избушекъ рядъ убогой,

За ними черноземъ, равнины скать отлогой,

Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса.

„Сѣренькія тучи покрывали небо; холодный вѣтеръ дулъ съ пожатыхъ полей“. „Въ одно ясное, холодное осеннее утро, изъ тѣхъ, какими богата наша русская осень“...

Вотъ эта „наша русская осень“ съ сѣренькими тучами, съ убогимъ рядомъ избушекъ, да съ холоднымъ вѣтромъ, да съ яснымъ осеннимъ утромъ—и есть природа у Пушкина, природа „безпорывная“, какъ называль ее Гоголь.

„При имени Пушкина,—пишетъ Гоголь,—тотчасъ осѣняетъ мысль о русскомъ національномъ поэтѣ. Въ немъ русская природа, русская душа, русскій языкъ, русскій характеръ отразились въ такой же чистотѣ, въ какой отражается ландшафтъ на выпуклой поверхности оптического стекла“.

Поэзія Пушкина, такъ мастёрски просто и нелукаво воспѣвая неприглядную сѣверную природу, слишкомъ близка къ самой русской природѣ.

„Сочиненія Пушкина — продолжаетъ Гоголь, гдѣ дышетъ у него русская природа, такъ-же тихи и *безпорывны*, какъ русская природа. Ихъ только можетъ совершенно понять тотъ, чья душа такъ нѣжно организована и развилась въ чувствахъ, что способна понять не блестящія съ виду русскія пѣсни и русскій духъ; потому что чѣмъ предметъ обыкно-

веннѣ, тѣмъ выше нужно быть поэту, чтобы извлечь изъ него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было, между прочимъ, совершенная истина“.

Описывая унылую природу и не отвлекаясь отъ нея, а наоборотъ углубляясь и приближаясь къ ней,—только Пушкинская лира могла извлечь изъ нея то, „необыкновенное“, на что способенъ лишь „высокій поэтъ“. Природа русская—*безпорывна*, но не уныла—и это показала Пушкинъ въ своихъ стихахъ.

„Здѣсь нѣтъ ни моря, ни голубова неба полудня“.

Чуждая экзотизма, опредѣленныхъ ясныхъ красокъ, рѣзкихъ и отчетливыхъ, той сладости и яркости, что присущи югу—сѣверная призрачная природа глубже и смиреннѣй

Красою тихую, блистающей смиренно.

И языкъ Пушкина, который говоритъ объ этой природѣ, и самъ совершенно естественно становится „безпорывнымъ“ и „смирненнымъ“.

„Въ немъ, какъ будто въ лексиконѣ,—пишетъ Гоголь,—заключалось все богатство, сила и гибкость нашего языка“. „Его мелкія стихотворенія—рядъ самыхъ ослѣпительныхъ картинъ. Это тотъ ясный миръ, который такъ дышетъ чертами, знакомыми однимъ древнимъ, въ которыхъ природа выражается такъ-же живо, какъ въ струѣ какой-нибудь серебряной рѣки. Тутъ все: и наслажденіе, и простота, и мгновенная высокость мысли, вдругъ объемлющая священнымъ холодомъ вдохновенія читателя. Все лаконизмъ, какимъ всегда бываетъ чистая поэзія.“

Словъ немного, но они такъ точны, что обозначаютъ все, въ каждомъ словѣ—бездна пространства; каждое слово необъятно какъ поэтъ“.

Въ послѣднихъ числахъ Сентября
Въ деревнѣ скучно, грязь, ненастье,
Осенній вѣтеръ, мелкій снѣгъ,

Да вой волковъ. Но то-то счастье
Охотнику! Не зная нѣгъ,
Въ отъѣзжемъ полѣ онъ гарцуеть,
Вездѣ находить свой ночлегъ,
Бранится, мокнетъ и пируетъ
Опустошительный набѣгъ.

До такой простоты изложенія и такой „бездны пространства“ каждого слова доходили только древнѣе.

И геніальная, точная и лаконическая простота Пушкина— не превзойденная мудрость его.

Ложился на поля туманъ,
Гусей крикливыхъ караванъ
Тянулся къ югу...

Вотъ тѣ нѣсколько словъ, которыхъ достаточно для описанія поздней осени. Тутъ есть все. Это и составляетъ сущность Пушкинскаго лаконизма и точности.

„Если должно сказать о тѣхъ достоинствахъ, которыя составляютъ принадлежность Пушкина, отличающую его отъ другихъ поэтовъ, то они заключаются въ чрезвычайной быстротѣ описанія и въ необыкновенномъ искусствѣ немногими чертами означить весь предметъ. Врядъ-ли о комъ изъ поэтовъ можно сказать, чтобы у него въ коротенькой пьесѣ вмѣщалось столько величія, простоты и силы, сколько у Пушкина“,—замѣчаетъ Гоголь.

И дѣйствительно:

Что наши лучшія желанья,
Что наши свѣжія мечтанья
Истлѣли быстрой чередой,
Какъ листья осенью *тилой*.

Тутъ въ одной послѣдней строкѣ данъ полный образъ осени съ тлѣющими листьями, которые гніютъ, а послѣднее переносится на самую осень, которая имѣетъ при себѣ необычайно точный и смѣлый эпитетъ: *тилая*.

III.

„Природа выражается такъ-же живо, какъ въ струѣ какой-нибудь серебряной рѣки“, говоритъ Гоголь про Пушкина.

„Сѣренькія тучи покрывали небо; холодный вѣтеръ дулъ съ пожатыхъ полей“. Вотъ „безпорывность“ русской природы—это сѣренькія тучи. Надо было обладать тѣмъ художественнымъ чутьемъ и вкусомъ, какими награжденъ былъ Пушкинъ, чтобы въ двухъ словахъ опредѣлить всю особенность пейзажа. „Сѣренькія тучи“ — опредѣляютъ скромную, робкую природу.

• Бѣдняжка клонится безъ ропота, безъ гнѣва
Улыбка на устахъ увянувшихъ видна...
Играетъ на лицѣ еще багровый цвѣтъ—
Она жива еще сегодня—завтра нѣтъ.

„Сѣренькія тучи“ зовутъ въ печальные осенніе сумерки посѣтить родовое кладбище.

Но какъ-же любо мнѣ
Осеннею порой, въ вечерней тишинѣ,
Въ деревнѣ посѣщать кладбище родовое,
Гдѣ дремлютъ мертвые въ торжественномъ покоѣ.

Небо покрыто тучами; тихо и безвѣтренно, точно замолкло все. И въ этой сельской тишинѣ, на деревенскомъ кладбищѣ— есть своя „безпорывная“ торжественность, торжественность безмолвія и покоя.

Гдѣ дремлютъ мертвые въ торжественномъ покоѣ.

Эта тишина и печаль деревенскихъ сумерекъ, когда уже скроется день за край окружающихъ горъ, приводятъ домой, въ пустынную келью:

Пылай, каминъ, въ моей пустынной кельѣ;
А ты, вино, осенней стужи другъ,
Пролей мнѣ въ грудь отрадное похмѣлье,
Минутное забвенье горькихъ мукъ.

И эти строки такъ близки къ словамъ одного изъ его писемъ: „У насъ очень дождикъ шумить, вѣтеръ шумить, лѣсъ шумить, шумно, а скучно“¹⁾).

И вотъ „отрадное похмѣлье“, которое, можетъ быть, способно стать минутнымъ забвеньемъ горькихъ мукъ.

Одинокій поэтъ въ своемъ „глухомъ“ Михайловскомъ празднуетъ любезную сердцу его годовщину. „Какая глубокая и вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтлая скорбь“, замѣчаетъ Бѣлинскій по поводу этого стихотворенія.

Это особенно замѣчательно въ Пушкинѣ. Самое мрачное изображеніе мрачныхъ картинъ согрѣто его скорбью, „глубокой и свѣтлой скорбью“.

И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада.

„Когда воображаю Лондонъ, чугуныя дороги, то мое „глухое“ Михайловское наводитъ на меня тоску и бѣшенство“.

Но вотъ послѣ прогулки, когда погаснетъ короткій день, передъ этимъ-же каминомъ:

Огонь опять горить—то яркій свѣтъ лѣтъ,
То тлѣетъ медленно; а я предъ нимъ читаю,
Иль думы долгія въ душѣ моей питаю.
И забываю міръ,—и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
И пробуждается Поэзія во мнѣ.

И къ поэту идетъ незримый рой гостей.

Знакомцы давніе, плоды мечты моей.
Стальные рыцари, угрюмые султаны,
Монахи, карлики, Арапскіе Цари...

„Скажу тебѣ что въ Болдинѣ писалъ, какъ давно уже не писалъ“, признается онъ Плетневу. „Ты не можешь вообразить, какъ весело удрать отъ невѣсты, да и засѣсть стихи писать“.

¹⁾ Переписка № 188.

А вотъ почти такая-же картина въ пьесѣ 1815 года.

Вотъ мой каминь—подъ вечеръ темной,
Осенней бурною порой
Люблю подъ сѣню укромной
Предъ нимъ задумчиво мечтать,
Вольтера, Виланда читать.
Или въ минуту вдохновенья
Небрежно стансы намарать.

Какъ просто и весело и по Пушкински мудро:
Небрежно стансы намарать.

* Пушкинъ любилъ это „небрежно“:

Его стихамъ небрежнымъ и простымъ...
.....
Трудъ небрежный мой...
.....
Чей гласъ пріятный и небрежный...
.....
И строкъ небрежныхъ очертанье...

Но вотъ опять мрачная картина. Мы знаемъ, что въ 1824 году Пушкинъ не радъ былъ своему пребыванію въ деревнѣ. Ему было душно въ Михайловскомъ.

И окружавшую его обстановку онъ передалъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Ненастный день потухъ; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Какъ привидѣніе, за рощею сосновой
Луна туманная взошла...
Все мрачную тоску на душу мнѣ наводитъ.

А домашнюю обстановку мы знаемъ: „Отецъ мой, пишетъ Пушкинъ Жуковскому, воспользуясь отсутствіемъ свидѣтелей выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ, что я его билъ, хотѣлъ бить, замахнулся, могъ прибить. Передъ тобой не оправдываюсь, но чего-же онъ хочетъ отъ меня съ уголовнымъ своимъ

обвиненіемъ? Рудниковъ сибирскихъ и лишенія чести. Спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ, не говорю тебѣ о томъ, что терпятъ за меня братья и сестра ¹⁾).

Все мрачную тоску на душу мнѣ наводитъ.

И въ параллель этому сѣверному пейзажу поэту рисуются „иные берега, иныя волны“.

Далеко, тамъ, луна въ сіяніи восходитъ;
Тамъ воздухъ напоенъ вечерней теплотой;
Тамъ море движется роскошной пеленой
Подъ голубыми небесами...

А здѣсь:

Какъ привидѣніе, за рощею сосновой
Луна туманная взошла.

Потухъ ненастный день, но вслѣдъ ему встаетъ ненастной ночи мгла.

И это противоположеніе лунѣ, всходящей въ сіяніи, морю, голубому небу.

„Здѣсь нѣтъ ни моря, ни голубова неба полудня“.

Въ приведенныхъ покуда стихахъ—природа „безпорывна“, но не уныла и не жестока. Но есть у Пушкина пьеса, въ которой „унылая пора“ рисуется въ мрачныхъ тонахъ. Мрачные образы встаютъ передъ глазами поэта, и онъ, не смотря на всю свою „свѣтлость“ становится жестокъ. Черная, мрачная осень встаетъ, и жестокіе внушаетъ образы поэту.

„Пушкинъ питалъ особое сочувствіе къ этому времени года. Это чувство едва ли не русское. Мы любимъ уныніе въ природѣ, равно какъ въ музыкѣ и поэзіи“, замѣчаетъ Шевыревъ.

Попробуй, сладимъ ли съ проклятою хандрой.
Смотри какой здѣсь видъ: избушекъ рядъ убогой,
За ними черноземъ, равнины скать отлогой,
Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса.

¹⁾ Переписка № 103.

И вотъ картина унылаго и убогаго сѣвера:

На дворѣ у низкаго забора
Два бѣдныхъ деревца стоятъ въ отраду взора,
Два только деревца, и то изъ нихъ одно
Дождливой осенью совсѣмъ обнажено,
А листья на другомъ размокли и, желтѣя,
Чтобъ лужу засорить, ждуть перваго Борea.
И только. На дворѣ живой собаки нѣтъ.
Вотъ, правда, мужичокъ; за нимъ двѣ бабы вслѣдъ;
Безъ шапки онъ; несетъ подъ мышкой гробъ ребенка,
И кличетъ издали лѣниваго попенка,
Чтобъ тотъ отца позваль, да церковь отворилъ:
Скорѣй, ждaть некогда, давно бѣ ужъ схоронилъ!

Пьеса начинается „двумя бѣдными деревцами“ и, постепенно развиваясь и все болѣе и болѣе омрачаясь, приходитъ къ суровому и до ужаса жуткому концу:

Скорѣй, ждaть некогда, давно-бѣ ужъ схоронилъ!

Завершительныя строки какъ бы предваряетъ сначала лаконическое:

И только

и вслѣдъ за нимъ:

. . . живой собаки нѣтъ,

и дальше, собираясь рассказать самое главное, поэтъ, будто забывъ замѣчаетъ:

Вотъ, правда, мужичокъ; за нимъ двѣ бабы вслѣдъ;
Безъ шапки онъ:

и послѣ этого—такъ удивительно нѣжно и жестоко:

Несетъ подъ мышкой гробъ ребенка.

La petite Marie est morte,
Et son cercueil est si peu long
Qu'il tient sous le bras qui l'emporte
Comme un étui de violon.

вспоминаются стихи Теофиля Готье. Но послѣдній не удержался и подчеркнул: *такъ коротокъ*; и не удержался отъ сравненія короткаго гроба дѣвочки съ футляромъ отъ скрипки.

Если бы въ данной пьесѣ было бы что либо подобное, то впечатлѣніе, конечно, ослабло бы.

И лаконизмъ Пушкина дѣйствуетъ здѣсь со всей жестокостью и суровостью:

И кличетъ издали лѣниваго попенка,
Чтобъ тотъ отца позваль.

Обратимъ вниманіе на слова *чтобъ тотъ отца*; эти т, б, т, т, тц—холодно и сухо звучать при произношеніи.

Они какъ бы задерживаютъ слова. Вслѣдъ за ними, начинаясь съ *да*, слѣдуетъ:

да церковь отвориль.

Шевыревъ указываетъ на употребленіе въ этой пьесѣ словъ „простонародныхъ“.

Эти „простонародныя слова“ и *да* въ предпослѣдней строкѣ еще болѣе типичны для „унылой поры“ и унылаго содержанія пьесы.

Погребеніе ребенка, погребеніе безъ слезъ, безъ жалости, но со скрытой внутренней трагичностью, жуткое по простотѣ и откровенности—требуетъ соотвѣтствующаго изложенія, которое мы и имѣемъ въ данной пьесѣ.

Это стихотвореніе чуть ли не единственное у Пушкина—мрачное и унылое.

И завершающей его стихъ:

Скорѣй, ждать некогда, давно бъ ужъ скоронилъ!

является соотвѣтствующимъ завершеніемъ всего жуткаго и унылаго стихотворенія, проникнутаго „глубокой скорбью“ автора.

И тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ оно на внимательнаго читателя.

IV.

Въ смерти есть торжественность и мудрость.

Передъ лживой и суетной жизнью она величественна и строга въ покоѣ своемъ и безмолвіи.

Умираніе природы—торжественно и пышно.

Щедро разцвѣчена богатыми красками „унылая пора“.

Передъ жертвоприношеніемъ всегда слѣдуетъ торжество, и самое жертвоприношеніе обставляется торжественно и пышно.

Настала осень золотая.

Природа трепетно блѣдна,

Какъ жертва пышно убрана.

Но, какъ приличествуетъ смерти, здѣсь не яркія и слѣпительныя краски, а строгія и подобающія торжеству.

„Багрець и золото“—вотъ надлежащіе цвѣта.

Уже румяна осень носить

Снопы златые на гумно,

Шумящи красножелты листья

Разстались всюду по тропамъ.

Такъ воспроизводитъ „унылую пору“ пѣвецъ Екатерины.

Осень дѣйствуётъ на зрительное чувство поэта, и онъ подбираетъ наиболѣе яркіе и точные эпитеты.

Румяна, златые, красножелты—вотъ то, что должно было быть побѣждено Пушкинскимъ „багрецомъ и золотомъ“.

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ.

Восторженность Пушкина, такъ разцвѣтившая „унылую пору“, единственна въ циклѣ осеннихъ мотивовъ его творчества.

Подъемъ, характеризующій четверостишье, является какъ бы завершающимъ воспѣваніе осени и восторги передъ ея пышностью.

Унылая пора, очей очарованье,

Пріятна мнѣ твоя прощальная краса—

Люблю я пышное природы увяданье

Въ багрець и въ золото одѣтые лѣса.

Энергія стиховъ этого четверостишья замѣчательна. Но въ глаза бросается и другая особенность—

унылая пора, но она *очей очарованье*, въ то время какъ *очарованье* не свойственно слову *унылая*;

пріятна и что же — *прощальная краса*; опять таки *прощальная краса* и *пріятна*;

увяданье природы и—*пышно*.

Но вотъ эти несвойственныя существительнымъ опредѣленія и дѣлають четверостишье удивительно тонкимъ и строго осеннимъ.

Въ этомъ вѣдь и заключается вся особенность „унылой поры“.

Умираніе ея пышно, а прощальная краса ея—

Какъ жертва пышно убрана.

Кромѣ того характеризующимъ звукомъ является *а*, и не только въ рифмахъ

очарованье

увяданье

краса

лѣса

но и въ первыхъ двухъ стихахъ:

УнылАЯ пОрА, Очей ОчАрОвАнье,

ПріятнА мнѣ твОЯ прощАльнАЯ крАсА—

Этотъ звукъ *А* придаетъ имъ „внутренній блескъ“ и музыкальность. Также чаруетъ слухъ:

очей очарованье.

„Багрець и золото“, богато разцвѣтивъ осенній обнажающійся лѣсъ, точно передъ жертвоприношеніемъ торжественно и пышно убравшись, дѣйствительно служатъ *очей очарованьемъ*.

V.

Пьесу „Осень“ интересно сопоставить съ другими пьесами того же содержанія въ русской поэзіи.

Самой близкой слѣдуетъ считать „Эклогу“ Богдановича и затѣмъ уже „Осень во время взятія Очакова“ Державина, примыкающую къ ней своимъ истиннымъ реализмомъ.

Любопытно прослѣдить общіе мотивы „Эклоги“ Богдановича, „Осени“ Державина, „Осени“ и отрывка изъ „Евгенія Онѣгина“ Пушкина, и „Осени“ Боратынскаго:

БОГДАНОВИЧЪ.

Уже осенніе морозы гонятъ
лѣто.

И поле, зеленью приятною
одѣто,
Теряетъ прежній видъ,
Теряетъ всѣ красы.

Проходятъ радости, прохо-
дятъ тѣ часы,
Въ который пастухи средъ
рощей обитали.
Уже стада ходить на па-
ству перестали.

Не лѣтній дождь идетъ и
не изъ прежнихъ тучъ
Свѣтило съ высоты пуска-
етъ слабый лучъ.

ДЕРЖАВИНЪ.

Спустилъ съдой Эоль
Борея
Съ цѣпей чугунныхъ изъ
пещерь.
Ужасныя крылѣ расши-
ривъ,
Махнулъ по свѣту бога-
тырь.

Погналъ стадами воздухъ
синій...
Сгустилъ туманы въ
облака
Давнулъ—и облака раз-
сѣлись
Пустился дождь и возшу-
мѣлъ.

ПУШКИНЪ—„Осень“.

Октябрь ужъ наступилъ...
Дохнулъ осенній хладъ,
дорога промерзаетъ...
И первые морозы...

И рѣдкій солнца лучъ...

ПУШКИНЪ—отр. изъ
„Евг. Онѣг.“.

Ужъ небо осенью дышало...
Встаеъ заря во мглѣ хо-
лодной...

Ложился на поля туманъ...
На нивахъ шумъ работъ
умолкъ.

На утренней зарѣ пастухъ
Не гонитъ ужъ коровъ
изъ хлѣва,
И въ часъ полуденный
въ кружокъ
Ихъ не зоветъ его ро-
жокъ.

Ужъ рѣже солнышко бли-
стало,
Короче становился день.

БОРАТЫНСКИЙ.

Уже морозъ бросаетъ по
утрамъ
Свои серебристые узоры.

Сѣдая мгла вѣется вокругъ
холмовъ;
Росой затоплены равнины.

Умолкли птицъ живые го-
лоса.

Замедля свой восходъ,
Сіянемъ хладнымъ солн-
це блещетъ,
И лучъ его въ зеркалѣ
зыбкомъ водъ
Невѣрнымъ золотомъ тре-
пещетъ.

Холодный дуетъ вѣтръ, зе-
фиръ уже не вѣетъ.

Спустилъ сѣдой Эоль
Борея
Съ цѣпей чугунныхъ изъ
пещерь.

Въ ихъ сѣняхъ вѣтра
шумъ.

Пробудится ненастливый
Эоль
Предъ нимъ помчится
прахъ летучій,
Качаяся завоетъ роща..

Летить съ деревьевъ листь,
и вянетъ, и желтѣетъ.

Шумящи, красножелты
листья
Разстлались всюду по
тропамъ.

Ужъ роща отряхаетъ
Последніе листь съ на-
гихъ своихъ вѣтвей.

Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ
обнажалась.

Желтѣетъ сѣнь кудрявая
дубовъ
И красенъ круглый листь
осины..
Долъ
Покроетъ листь ея паду-
чій.
Волшебнаго шептанья
полный лѣсъ,
Златочешуйчатая воды!

Ловецки раздаются роги.

Сосѣдъ мой поспѣшаетъ
Въ отъѣзжія поля съ
охотою своей!

И выжлятъ лай и гулъ
гремитъ.

И будить лай собакъ ус-
нувшія дубравы.

Запасшися крестьянинъ
хлѣбомъ,
Вѣсть добры щи и пиво
пить.

Припасъ оратай много
блага;
Отрадное тепло въ его
избѣ,
Хлѣбъ, соль и пѣнистая
брага.

Уже осенніе морозы гонять лѣто,
вяло выражено у Богдановича... Державинъ призвалъ на
помощь миеологию, а Пушкинъ строго и просто то же самое
выразилъ въ трехъ словахъ:

Октябрь ужъ наступилъ.

Боратынскій не ограничился мѣткимъ заявленьемъ и при-
бавилъ новый мотивъ—серебристые узоры, брошенные инеемъ
на поля.

И такъ вѣрны себѣ поэты во всѣхъ стихахъ приведен-
ныхъ пьесъ.

Роднить и сближаетъ по внѣшнему признаку пьесы Болга-
новича, Державина и Пушкина *двоекратное* повтореніе слова—
„уже“.

У Богдановича:

Уже осенніе морозы гонять лѣто...

Уже стада ходить на паству перестали...

У Державина:

Уже румяна осень носить...

Уже стада толпятся птичьи...

У Пушкина:

Октябрь ужъ наступилъ, ужъ роща отряхаетъ...

и:

Ужъ небо осенью дышало,

Ужъ рѣже солнышко блистало...

Общаго же съ Державинскимъ отрывкомъ—восторженное
воспѣваніе „унылой поры“ и „прозаическая“ простота“ опи-
санія сельской природы и жизни.

Стихи Державина какъ бы предвосхищаютъ Пушкинскую
„Осень“ и Пушкинскую простоту.

Мы знаемъ, какъ относился Пушкинъ къ творчеству Дер-
жавина, и знаемъ, что считалъ онъ слабымъ въ немъ, но
должны помнить, однако, что между Пушкинымъ и Держа-
винымъ есть не мало зависимости и сходства.

Черты, заложенные въ талантѣ Державина, развились съ необыкновеннымъ величіемъ и удивительной мощью въ мудромъ и простомъ гениі Пушкіна.

VI.

Цвѣты послѣдніе милѣй
Роскошныхъ первенцевъ полей,
признается поэтъ.

Не стану я жалѣть о розахъ,
Увявшихъ легкою весной;
Мнѣ милъ и виноградъ на лозахъ.

Щедрая осень приноситъ съ собою полную кошницу „отраднaго винограда“. Просыпается время работъ, пѣсенъ и веселья тамъ, гдѣ и море и голубое небо полудня.

Уже по изобильномъ лѣтѣ
Достигнетъ солнце, гдѣ Вѣсы
Равняютъ день и ночь на свѣтѣ
И слѣдомъ лѣтнія красы.
Приспѣетъ по трудахъ отрада,
Какъ сладостный изъ *винограда*
Потоками прольется сокъ.

Такъ воспѣваетъ осень, время сбора винограда, гениальный Ломоносовъ.

Уже румяна осень носитьъ
Снопы золотыя на гумно,
И роскошь *винограду* просить
Рукою жадной на вино.

Воскликаетъ Державинъ.

А вотъ осенній мотивъ винограда на лирѣ Пушкіна:

Отрада осени золотой,
Продолговатый и прозрачный,
Какъ персты дѣвы молодой.

Словно Ломоносовъ и Державинъ думали, мучались, старались, какъ бы это выразить, одинъ стихомъ, котораго не „сломишь“—

(Какъ слонъ на стопы опершись.

Его не сломишь, какъ не рвись,)

по словамъ Вяземскаго, а другой хоть и легче, да не такъ отчетливо все же; а вотъ пришелъ Пушкинъ и, взявъ тотъ же мотивъ, создалъ строки, легкія и прекрасныя.

VII.

Описаніе городской осени оставилъ Пушкинъ въ своемъ „Мѣдномъ Всадникѣ“.

Въ неокончательной редакціи начала поэмы читаемъ:

Надъ Петербургомъ омраченнымъ

Осенній вѣтеръ тучи гналъ..

Среди бѣгущихъ облаковъ

Луны совсѣмъ не видно было..

И буйный вихоръ выль уныло,

Клубя подолъ сирень ночныхъ

И заглушая часовыхъ.

„Тутъ не знаешь чему дивиться, пишетъ Бѣлинскій,—громადной ли грандіозности описанія или его почти прозаической простотѣ“.

Извѣстно, что описаніе наводненія вплоть до самой словесной обработки заимствовано Пушкинымъ изъ книги Берха. Но повѣствованіе Берха подъ перомъ геніальнаго Пушкина превратилось въ „величайшую поэзію“.

Печалень будетъ мой разсказъ,
предупреждаетъ поэтъ.

Надъ Петербургомъ омраченнымъ...

Краски сгущаются. „Унылая пора“ омрачена бѣлыми „горами“ вздымающихся волнъ. Мощь и энергія сопутствуютъ всему описанію наводненія, выдержанному въ мрачныхъ тонахъ.

Надъ омраченнѣмъ Петроградомъ
Дышалъ ноябрь осеннимъ хладомъ;

Ужъ было поздно и темно;
Сердито бился дождь въ окно
И вѣтеръ дулъ, печально воя.

Чтобъ вѣтеръ выль не такъ уныло
И чтобы дождь въ окно стучалъ
Не такъ сердито.

Какъ дождь ему въ лицо хлесталъ,
Какъ вѣтеръ буйно завывая...

Такова осенняя ночь въ ужасную пору наводненія.

А вотъ описаніе ранней петербургской осени, мѣткое и типичное:

Дни лѣта

Клонились къ осени. Дышалъ
Ненастный вѣтеръ. Мрачный валь
Плескалъ на пристань, ропща пени
И бясь о гладкія ступени,
Какъ челобитчикъ у дверей.

и еще:

Мрачно было;

Дождь капалъ; вѣтеръ выль уныло—
И съ нимъ вдали, во тмѣ ночной,
Перекликался часовой...

Описаніе осени въ „Мѣдномъ Всадникѣ“, вмѣщающееся въ нѣсколькихъ стихахъ (26) — сравнительно съ объемомъ всего повѣствованія (464) не очень обширно.

Но мы имѣемъ характерное отраженіе осенней поры съ ночнымъ вѣтромъ, съ которымъ перекликается часовой, и въ семи словахъ петербургскую сырую осень съ мелкимъ сѣющимъ дождемъ —

Мрачно было,
Дождь капалъ, вѣтеръ выль уныло.

Мрачный отѣнокъ повѣсти подкрѣпляется неоднократнымъ повтореніемъ слова—мрачный.

Надъ *омраченнымъ* Петроградомъ...

Мрачный валъ

Плескалъ на пристань.

Мрачно было.

VIII.

Въ письмахъ Пушкина мы имѣемъ замѣчанія, касающіяся осени, замѣчанія короткія и точныя.

Въ письмѣ къ Княжевичу онъ опредѣляетъ не только природу Михайловскаго, но вообще русскую сѣверную природу: „здѣсь нѣтъ ни моря, ни голубова неба полудня“. „Сѣренькія тучи покрывали небо“.

Осенніе мотивы нѣсколькими чертами запечатлѣны, но больше имѣемъ общихъ замѣчаній вродѣ: „Что у насъ за погода“, ¹⁾ „Погода стоитъ прекрасная“, ²⁾ „Осень чудная“³⁾. А вотъ и хмурится осень: „Погода у насъ портится кажется, осень наступаетъ не на шутку“, ⁴⁾ „У насъ очень дождикъ шумить“, ⁵⁾ „Къ довершенію благополучія начался дождь съ тѣмъ, конечно, чтобы не переставать до самаго саннаго пути“, ⁶⁾ „Погода была ужасная. Въ лужицахъ была буря. Болота волновались бѣлыми волнами“, ⁷⁾ „Въ деревнѣ встрѣтилъ меня первый снѣгъ и теперь дворъ передъ моимъ окошкомъ бѣлешенекъ“. ⁸⁾

¹⁾ Переписка № 929.

²⁾ Пер. № 742.

³⁾ Пер. № 481.

⁴⁾ Пер. № 936.

⁵⁾ Пер. № 188.

⁶⁾ Пер. № 477.

⁷⁾ Пер. № 736.

⁸⁾ Пер. № 866.

Описание природы въ письмахъ Пушкина занимають не послѣднее мѣсто. Они очень важны для изученія „простоты“ Пушкина. Мѣткое замѣчаніе изъ какого нибудь письма нерѣдко можемъ встрѣтить въ одномъ изъ его стихотвореній.

IX.

Для анализа „унылой поры“ описанія отдѣльныхъ моментовъ осени имѣють не маловажное значеніе. Такъ напр.:

Небо—*хмурое*, порой даже *грозное*, *рѣдко* блѣдно озаряемое днемъ солнышкомъ, а ночью всегда *блѣдною призракною* луною.

Ужь *небо* осенью дышало,
Ужь *рѣже* солнышко блистало.
Сводъ небесный *поблѣднѣлъ*.

День былъ осенній и *пасмурный*...
Сѣренькія тучи покрывали *небо*...
И *млой* волнистою покрыты *небеса*...
Надъ ними *сѣрыхъ тучъ* *пустая* полоса...
Лишь въ осень *хладную безмѣсячной* порой...

Ненастной ночи *мла*
По небу стелется одеждою *свинцовой*...

Солнце — *рѣдко* показывается на *поблѣднѣвшемъ* *небо-*
склонѣ.

Улетаютъ *ясны* дни.
Ужь *рѣже* солнышко блистало.
И *рѣдкій* солнца лучъ...

Луна — *блѣдная* и *туманная* восходитъ изъ за *темной*
рощи.

И озаренъ луною *блѣдной*...
Смотря въ окно на тучи, бѣгушія мимо луны...
Какъ *привидѣніе* за рощею *сосновой*
Луна *туманная* *взошла*.

И солнце и луна скрыты за туманомъ, мглою и облаками—

И туманъ и непогоды
Осень поздняя несетъ.

Туманъ — *стелется, ложится на поля, стоитъ на нивахъ.*

Въ багровомъ облакъ, *одъяна туманомъ,*
На камнѣ гробовомъ уныла тѣнь сидить.

Стелется туманъ ненастный...

Ложился на поля туманъ...

Стоитъ туманъ на нивахъ пожелтѣлыхъ...

Лѣсъ кудрявый постыдѣлъ.

Дождь — сердитый бьется, стучитъ, хлещетъ.

Сердито бился дождь въ окно.

И чтобы дождь въ окно *стучалъ*

Не такъ *сердито...*

Какъ дождь ему въ лицо *хлесталъ...*

Дождь капалъ.

Вѣтеръ — исключительно динамиченъ; онъ шумитъ, воетъ, свиститъ, буйно завываетъ и даже совершаетъ набѣги, холодный и ненастный.

(листья) ждуть перваго *Борея...*

Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ...

Въ деревнѣ скучно, грязь, ненастье,
Осенній вѣтеръ...

Такъ *бури* осени холодной
Въ болото обращаютъ *лугъ.*

И вѣтеръ *дулъ* печально воя...

Чтобъ вѣтеръ *вылъ* не такъ *уныло...*

Вѣтеръ *выль уныло*
И съ нимъ вдали во тмѣ ночной
Перекликался часовой.
Слушая *вой* осенняго вѣтра
Холодный вѣтеръ дулъ съ пожатыхъ полей...
Дышалъ ненастный вѣтеръ...
Какъ вѣтеръ *буйно завывая*...
Въ обители *пустынныхъ вьюгъ* и хлада...
И вѣтра *поздняю осенніе набѣги*...
И слышится *миновенный вѣтра свистъ*...

Холодъ—постоянный *спутникъ осени*. Онъ дышетъ, *поражаетъ послѣдніе листья, остуживаетъ ручьи* и становится даже *стужью*.

Ужъ осень *холодомъ дохнула*...
Дохнулъ осенній *хладъ*...
Дышалъ Ноябрь осеннимъ *хладомъ*...
Лишь въ *осень хладную*...
Встаетъ заря во *млть холодной*...
Холодный вѣтеръ дулъ съ пожатыхъ полей...
Въ одно ясное, *холодное утро*...
И волнь *осенній хладъ*...
Ужъ осени *холодную рукою*...
Такъ *позднимъ хладомъ пораженный*...
Хладенъ ручеекъ игривый...
Здоровью моему *полезенъ русскій холодъ*...
Въ обители *пустынныхъ вьюгъ* и *хлада*...
Осенней *стужи* другъ...

Первые морозы—*прохватываютъ землю, сребрятъ поля.*

уже земля

Прохвачена морозомъ по утрамъ...

и *первые морозы...*

Сребритъ морозъ увянувшее поле...

дорога *промерзаетъ...*

Но прудъ уже *застылъ...*

Какъ звонко подъ его блистающимъ копытомъ

Земля *промерзлая* звучитъ!

И звонко подъ его копытомъ

Земля *промерзлая* звучитъ!

Осень у Пушкина *мрачную* отгѣнка—

Попробуй сладимъ ли съ проклятою *хандрой...*

Когда вершины горъ *тягитъ* сырая *тма.*

Подъ вечеръ осенью *ненастной...*

подъ вечеръ *темной*

Осенней *бурною* порой.

пріѣду я

Въ началѣ *мрачномъ* Октября.

Ужъ было поздно и *темно...*

Мрачный валь

Плескалъ на пристань. *Мрачно* было...

Ненастной ночи мгла...

Все *мрачную тоску* на душу мнѣ наводитъ.

Пушкинская осень только мѣстами просвѣтлена, только мѣстами озарена багрецомъ и золотомъ, и багрянымъ уборомъ падающихъ листьевъ. Большею частью же она уныла и мрачна.

Мраченъ иной разъ даже

Листопадъ—

Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ *печальнымъ* шумомъ обнажалась.
И то изъ нихъ одно (деревцо)
Дождливой осенью совсѣмъ обнажено.
Такъ позднимъ *хладомъ пораженной*
Какъ бури слышенъ зимній свистъ,
Одинъ на вѣткѣ обнаженной
Трепещетъ запоздалый листь.
Уже дубрава отряхнула
Послѣдній листь.

ужъ роца отряхаетъ
Послѣдніе листьы съ нагихъ своихъ вѣтвей.
Истлѣли.
Какъ листьа осенью гнилой.
Такъ бури
обнажаютъ лѣсъ вокругъ...

Погибшихъ осенью *листвова.*
Ужъ осени холодною рукою
Главы березъ и липъ обнажены.
Закружились бѣсы разны
Будто листьа въ Ноябрьрѣ.
Тамъ день и ночь кружится *мертвый* листь...

Нарушаютъ этотъ мрачный листопадъ—

Въ *баирецъ* и въ *золото* одѣтые лѣса...
Роняетъ лѣсъ *баиряный* свой *уборъ.*

„Холодный вѣтеръ дуль, унося *красные и желтые листьа*
со встрѣчныхъ деревьевъ“.

Листопадъ—необходимый спутникъ осени. Имъ она омрачена, имъ она разцвѣчена. Описанію его Пушкинъ посвятилъ много стиховъ.

Количество стиховъ строго пропорціонально даннымъ природы.

Поэтъ жалуется на то, что *солнце* рѣдко показывается осенью, и про солнце онъ говоритъ только въ *трехъ* стихахъ и *одной* строкѣ въ „Станц. смотрителѣ“.

Осеннюю ночь называетъ онъ „безмѣсячной“ и осенней *лунѣ* посвящены *четыре* стиха и *одна* строка въ „Кап. Дочкѣ“. *Дождя*, исключая „Мѣдн. Всадн.“, гдѣ ему посвящено—*пять* стиховъ, *не* находимъ въ описаніи „унылой поры“. Есть лишь указаніе:

Дождливой осенью совсѣмъ обнажены.

Пушкинская осень холодна и морозна. *Первымъ морозамъ* удѣлено поэтомъ *десять* стиховъ и *одна* строка въ „Бар. Крестьянкѣ“.

Поздняя осень по словамъ поэта несетъ „и туманъ, и непогоды“. И *туману* посвящено *одинадцать* стиховъ.

Поэтъ любитъ называть пору осени „хладной“ и описанію *холода* удѣлено двѣнадцать стиховъ и *по одной* строкѣ въ „Станц. Смотр.“ и въ „Бар. Крест.“.

Особой щедростью поэта ознаменованъ *вѣтеръ*, холодный и воющій, особенно часто. *Вѣтру* принадлежитъ *восемь-надцать* стиховъ и *по одной* строкѣ въ „Станц. Смотр.“, „Кап. Дочкѣ“. И наконецъ *листопадъ* занимаетъ *двадцать одинъ* стихъ и *два* строки въ „Станц. Смотр.“.

Четыре этапа осенняго дня также находимъ въ кругѣ „унылой поры“. *Блѣдное* и *холодное* встаетъ

Осеннее утро.

На *утренней зарѣ* пастухъ

Не юнитъ ужъ коровъ изъ хлѣва.

Въ одно *ясное холодное утро* изъ тѣхъ какими богата
наша русская осень

При *блѣдномъ свѣтѣ* осеняго *утра*.

уже земля
прохвачена *морозомъ по утрамъ*.

Съ небесъ уже скатилась ночь и тѣнь
Взошла заря, сіяетъ *блѣдный день*.

И *блѣдный день* ужъ настаетъ.

День

обращаетъ на себя вниманіе поэта особенно своею *крат-*
ковременностью и *пасмурнымъ небомъ*.

Сіяетъ *блѣдный день*...

Ужъ *рѣже солнышко* блистало...

И *рѣдкій* солнца *лучь*...

И въ *часъ полуденный* въ кружокъ
Ихъ *не зоветъ* его рожокъ.

День былъ осенній и *пасмурный*.

Короче становился *день*...

Но гаснетъ *краткій* *день*...

Проглянетъ день какъ будто *по неволѣ*
И *скроется* за край *окружныхъ горъ*.

Проглянетъ день и *ужь темно*.

Ненастный *день потухъ*...

На смѣну ему встаетъ *темный* и *ненастный*

Вечеръ.

Но какъ же любо мнѣ
Осеннею порой, въ *вечерней тишинѣ*,
Въ деревнѣ посѣщать *кладбище родовое*...

Встаетъ *заря во миль холодной;*
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
Съ своей волчихою голодной
Выходить на дорогу волкъ.

но гаснетъ краткій день и въ *каминъ* забытомъ *огонь*
опять *юрить*:

Вотъ мой каминъ—подъ *вечерь темной*
Осенней бурною порой
Люблю подъ сѣнію укромной
Предъ нимъ задумчиво мечтать.
Подъ *вечерь осенью ненастной...*

„*Однажды вечеромъ* сидѣлъ я дома, одинъ, слушая вой
осенняго вѣтра и смотря въ окно на тучи, бѣгущія мимо
луны.“

Ночь

мрачная изрѣдка озаряемая *призрачной луною.*

Взойдетъ ли *ночь съ осеннею луною...*

Стелется туманъ *ненастной*
Ночи въ дремлющей тѣни.

Лишь въ осень хладную, *безмѣсячной порой*
Когда вершины горъ тягчить сырая тма.

Ужъ было поздно и *темно*
Сердито бился дождь въ окно—

Мрачно было,
Дождь капалъ, вѣтеръ вылъ уныло...

И озаренъ *луною блѣдной.*

Ненастной ночи мла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Какъ *привидѣніе*, за рощею сосновой
Луна туманная взошла...

Х.

Обращаясь къ словесной обработкѣ осеннихъ мотивовъ—стиху и размѣрамъ, замѣтимъ, что больше всего употреблялъ Пушкинъ *четырёхстопный ямбъ* (13 разъ). Поэмы „Цыганы“, „Братья Разбойники“, „Графъ Нулинъ“, „Евгеній Онѣгинъ“, „Мѣдный Всадникъ“ написаны также *четырёхстопнымъ ямбомъ*.

Затѣмъ идетъ *шестистопный ямбъ* (7 разъ).

„Осень“ написана *октавами*. Вспомнимъ заявленіе:

Четырёхстопный ямбъ мнѣ надоѣлъ.

Затѣмъ уже *пятистопный ямбъ* съ постоянной у Пушкина *цезурой* послѣ второй стопы (3 раза).

И *хорей* (3 раза).

Рифмы въ этихъ пьесахъ различныя—и богатая, и бѣдная, и даже глагольныя, и отвѣчаютъ часто словамъ поэта:

Не стану ихъ надменно браковать...

А подбирать союзы да нарѣчья;

Изъ мелкой сволочи вербую рать.

Мнѣ рифмы нужны; всѣ готовъ сберечь я.

Достаточно указать, что въ 200 стихахъ—36 глагольныхъ рифмъ.

Что касается поэтического языка, то можно указать, конечно, на то, что многочисленныя поправки свидѣтельствуютъ о совершенствованіи Пушкина.

Напримѣръ, усѣченныя прилагательныя уменьшаются и совсѣмъ исчезаютъ.

Въ отрывкѣ 14-го года имѣемъ два усѣченныя прилагательныхъ, въ 16-мъ году—три усѣченныя прилагательныхъ въ одномъ отрывкѣ въ 8 стиховъ. И затѣмъ уже—только одинъ разъ въ стихѣ 30-го года.

Формы церковно-книжныя стоятъ рядомъ съ русскими полногласными. *Хладный, хладъ*, часто даже въ одной и той же пьесѣ стоятъ на ряду съ *холодный, холодъ*.

Укажемъ: „гласъ уединенный“, „главы березъ“, „отрада осени золотой“ (хотя имѣется и „Настала осень золотая“), „сребрить морозъ“, „чредой слетаетъ сонъ“ и т. д.

Есть стихи неясные вслѣдствіе дальней разстановки словъ.

Напримѣръ:

Ночи въ дремлющей тѣни

или:

Пустыхъ долинъ откликнулся вдали.

Затѣмъ можно указать еще неясность въ пьесѣ „Осеннее утро“:

Ужъ осени холодною рукою
Главы березъ и липъ обнажены,
Она шумить въ дубравахъ опустѣлыхъ.

Затѣмъ въ пьесѣ „Осень“ находимъ:

ужъ роща отряхаетъ
Послѣдніе дисты съ нагихъ своихъ вѣтвей.

Здѣсь укажемъ на невозможность что-либо отряхнуть съ нагихъ вѣтвей.

Въ пьесѣ „Румяный критикъ мой“ имѣемъ стихъ:

Чтобъ лужу засорить ждуть перваго Борея.

Борей тутъ неприятно звучитъ, тѣмъ болѣе, если вспомнимъ, что вся пьеса написана „простонародными“ выраженіями.

Укажемъ на красивую особенность употребленія прилагательнаго вмѣсто нарѣчія.

Напримѣръ:

И *ръдкій* солнца лучъ.

Или:

И слышится *миновенный* вѣтра свистъ.

Затѣмъ близкіе стихи:

И звонко подъ его блистающимъ копытомъ
Звенить промерзлый ледъ,

читаемъ въ пьесѣ „Осень“, а въ пьесѣ „Какъ быстро въ
полѣ вдругъ открытомъ“:

Какъ звонко подъ его копытомъ
Земля промерзлая звучить.

Затѣмъ:

Ужъ роща отряхаетъ
Послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей.

И

Уже дубрава отряхнула
Послѣдній листь.

Затѣмъ въ пьесѣ 15-го года:

Люблю предъ нимъ задумчиво мечтать,
Вольтера, Виланда читать.

А въ „Осени“ 30-го года:

А я предъ нимъ читаю,
Иль думы долгія въ душѣ моей питаю.

Въ 15-мъ году:

Или въ минуту вдохновенья
Небрежно стансы намарать.

А въ 30-мъ году:

Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ.
И пробуждается Поэзія во мнѣ.

И наконецъ, отмѣтимъ особенную черту Пушкинской
осени—ея *дыханіе*.

Дышетъ осень, небо, хладъ, вѣтеръ, сѣверъ, ноябрь.

Ужъ осень холодомъ дохнула.

Онъ осматривалъ яблони, обнаженныя дыханіемъ осени.

Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье.

Вотъ *сверь*, тучи нагоня,
Дохнулъ, завывль.
Дохнулъ *осенній хладъ*.
Ужь *небо осенью дышало*.
Дышалъ *ненастный вѣтеръ*.
Дышалъ *ноябрь* осеннимъ хладомъ.

XI.

Характеренъ часто встрѣчаемый у Пушкина стилистическій методъ, который выражается въ *расчленяемости* общаго положенія въ болѣе *узкія и опредѣленныя*.

И пробуждается Поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещеть, и звучить и ищетъ, какъ во снѣ,
Излиться наконецъ свободнымъ проявленьемъ—
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.
И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И риѣмы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятъ къ перу, перо къ бумагѣ
Минута—и стихи свободно потекутъ.

Въ первой строкѣ мы имѣемъ общее положеніе:

И пробуждается Поэзія во мнѣ.

Вторая строка суживаетъ понятіе, а затѣмъ уже звено за звеномъ мысли становятся яснѣе и опредѣленнѣе.

Словно въ большемъ кольцѣ рядъ постепенно уменьшающихся колецъ и такъ, до послѣдняго завершительнаго и самаго значительнаго стиха:

Минута—и стихи свободно потекутъ,
который возвращается къ первому стиху:

И пробуждается Поэзія во мнѣ.

Расчленяя постепенно отрывокъ, получимъ:

поэзія—лирическое волненье

лирическое волненье—свободное проявленье
свободное проявленье—незримый рой гостей
незримый рой гостей—плоды мечты
плоды мечты—волнующіяся мысли
волнующіяся мысли—легкія рифмы
легкія рифмы—пальцы
пальцы—перо
перо—бумага
бумага—минута
минута—стихи.

Такъ одно изъ другого вытекаетъ каждое слово и возвращается къ своему началу, образуя кольцо: поэзія—стихи.

Кромѣ этого какая точность въ стихѣ:

И пальцы просятъ къ перу, перо къ бумагѣ.

У Тургенева въ одномъ романѣ есть примѣръ такой-же удивительной точности—про одно изъ дѣйствующихъ лицъ говорится: она держала письмо въ пальцахъ.

Та-же постепенность въ первой октавѣ пьесы „Осень“.

Сначала слѣдуетъ опять общее положеніе:

Октябрь ужъ наступилъ.

Затѣмъ идетъ расчлененіе:

Октябрь ужъ наступилъ—роща отряхаетъ
отряхаетъ—послѣдніе листы
листья— съ нагихъ вѣтвей
нагія вѣтви--дохнулъ осенній хладъ
хладъ—дорога промерзаетъ
дорога промерзаетъ—но еще бѣжитъ ручей за мельницу
ручей еще бѣжитъ—но прудъ уже застылъ
прудъ застылъ—сосѣдъ поспѣшаетъ въ поля
въ поля—съ охотою
съ охотою—страждутъ озими
страждутъ—отъ бѣшенной забавы
забава—лай собакъ

лай собакъ—будить уснувшія дубравы
уснувшія дубравы—потому что *октябрьъ ужъ наступилъ*.

Опять послѣднія слова возвратились къ начальнымъ, образовавъ кольцо. Отъ общаго положенія, расчлениаясь и приходя къ частному выводу, которому объясненіе—въ общемъ положеніи.

Возьмемъ отрывокъ изъ „Евгенія Онѣгина“ и замѣтимъ, какъ постепенно отъ общей мысли поэтъ приходитъ къ частной:

Ужъ небо осенью дышало,
Ужъ рѣже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась
Ложился на поля туманъ,
Гусей прикличьихъ караванъ
Тянулся къ югу.

Вспомнимъ кстати четыре стиха изъ пьесы „Осень“ Карамзина:

Поздніе гуси станицей
Къ югу стремятся,
Плавнымъ полетомъ несяся
Въ горнихъ предѣлахъ.

Такъ отъ общаго: „ужъ небо осенью дышало“ мы доходимъ до типичнаго элемента осенняго пейзажа — цѣпи тянущихся на югъ гусей, того характернаго, что можно увидать въ пасмурный, осенній день „съ сѣренькими тучами“ въ позднюю осень.

ХІІ.

Достоинства, отличающія Пушкина, Гоголь полагалъ „въ чрезвычайной быстротѣ описанія и въ необыкновенномъ искусствѣ немногими чертами означить весь предметъ. Его эпитеты такъ *отчетисты* и смѣлы, что иногда одинъ замѣняетъ цѣлое описаніе“.

„Въ каждомъ словѣ бездна пространства, каждое слово необъятно, какъ поэтъ“.

Гоголь указалъ самую сущность эпитета въ опредѣленіи „отчетистъ“. Если эпитетъ расплывчатъ, то онъ уже теряетъ всю свою остроту, весь свой „внутренній блескъ“.

Характеръ эпитета опредѣляетъ часто самаго поэта.

Образъ и эпитетъ два инструмента для поэта.

Изученіе эпитета очень важно при опредѣленіи творчества поэта. По сравненію съ другими поэтами эпитетовъ къ осени у Пушкина много.

Кантемиръ—знаетъ дождливую осень.

Что *мокра* осень слѣдуетъ лѣту.

Въ другой пьесѣ:

И въ осень *мокру* дадутъ отраду
и пріюту.

Эпитетъ *мокра* повторяется у него два раза. Стало быть онъ особенностью осени считалъ ея дождливость.

Третьяковскій не далъ никакого эпитета. Осень у него богата плодами:

Въ осень многій плодъ созрѣетъ
Или:
Осень, какъ плодомъ обогатится
Много яблокъ, грушъ и много сливъ.

У *Ломоносова* тоже не находимъ эпитета, хотя у него есть даже пьеса подъ названіемъ „Осень“.

Карамзинъ даетъ эпитетъ: *блѣдная* въ пьесѣ подъ названіемъ „Осень“.

Странникъ, стоящій на холмѣ,
Взоромъ унылымъ
Смотритъ на *блѣдную* осень,
Темно вздыхая.

Державинъ даетъ эпитетъ—*румяна* въ упомянутой уже пьесѣ.

Востоковъ говорить про осень:

Какъ *даровитая* осень, въ вѣнцѣ изъ колосьевъ.

Затѣмъ:

Образъ изтлѣнья, *скучную* осень

Здѣсь оставляетъ мой духъ

И:

Въ осень *сырую*, въ зиму сурову

У *Языкова* осень—*унылая*

У *Вяземскаго* въ четырехъ стихахъ, очень близкихъ къ заключительнымъ стихамъ пьесы Пушкина: „Я пережилъ свои желанья“ находимъ такой-же эпитетъ, какъ у *Языкова*:

День каждый падаетъ за мною,

Какъ близкихъ бурь послыша свистъ,

Унылой осени порою

Валится съ дуба мертвый листъ.

У *Лермонтова* осень *сырая*, такъ-же какъ у *Востокова*.

У *Пушкина* же осень:

златая,

золотая,

дождливая,

гнилая,

хладная,

холодная,

ненастная,

чудная (въ письмѣ)

и два раза поздняя.

Изъ девяти этихъ прилагательныхъ къ слову осень имѣемъ пять эпитетовъ, изъ которыхъ златая и холодная по два раза.

Стало быть эпитеты слѣдующіе:

1) златая, золотая,

2) хладная, холодная,

3) дождливая,

4) гнилая

5) ненастная

Количество и характеръ эпитетовъ опять-таки пропорціональны общему характеру „унылой поры“. Тутъ двѣ категоріи эпитетовъ — для *свѣтлой* осени и для *мрачной*. Для „багреца и золота“ — два эпитета, для „унылой поры“ — пять.

И характеръ осеннихъ мотивовъ, пропѣтыхъ Пушкинымъ, также характеризуются этими преобладающими эпитетами:

дождливая
гнилая
холодная
и даже ненастная.

Съренькія тучи обложили не полуденное небо, *мертвый листъ* цѣлый день носится, схваченный воющимъ вѣтромъ, а *туманъ и ненастье* подавили *багрець и золото*, которые сквозь и *туманъ и непогоды* иной разъ ярко вспыхнуть въ цѣпи осеннихъ дней, какъ вспыхнули въ творчествѣ Пушкина.

XIII.

Описаніе природы и въ частности осени, любовь къ ней и изученіе ея — могли имѣть два источника.

Одинъ — чисто литературный.

Мы знаемъ, что и сентиментальное и романтическое направленія рекомендовали воспѣвать природу. Новое безыскусственное описаніе природы уже установилось на Западѣ. Поэты охотно воспѣвали „унылую пору“ просто и безхитростно.

Конечно, литературныя вліянія сказались и на Пушкинѣ, но сказались они лишь въ самомъ литературномъ направленіи.

Другой источникъ — даетъ сама жизнь, внушаетъ сама природа; и любовь къ природѣ была у Пушкина. Источникъ для воспѣванія осени, конечно — жизнь и природа, окружавшія поэта. Имѣющіяся чуть-ли не въ каждомъ письмѣ замѣчанія о природѣ свидѣтельствуютъ о томъ, какъ близко

къ природѣ жилъ поэтъ, и какъ онъ умѣлъ смотрѣть на нее и замѣчать ее.

Есть два отношенія къ природѣ и два способа изображенія ея.

Художникъ смотритъ на природу, видитъ ее, отражаетъ въ своемъ творчествѣ. Таковы Гете и Пушкинъ.

Другой художникъ не смотритъ на природу, но видитъ ее и видитъ преобразенную.

Постигаетъ самую сущность стихій и даетъ ключъ къ распознаванію ея.

Инымъ достался отъ природы
Инстинктъ пророчески слѣпой
Они имъ чуютъ, слышать воды
И въ темной глубинѣ земной.

Таковъ Тютчевъ.

Одинъ смотритъ на природу и видитъ ее, другой понимаетъ ее.

Одинъ умѣетъ смотрѣть и мудро-просто отражаетъ ее. Таковъ классицизмъ.

Такъ видѣли природу Гомеръ, Гете, Пушкинъ.

Но углубляясь можно услышать голосъ стихій. Его слышали Тютчевъ и Лермонтовъ.

Но слышалъ и Пушкинъ.

Я пѣлъ бы въ пламенномъ бреду,
Я забывался бы въ чаду
Нестройныхъ, чудныхъ грезъ.

По глубинѣ и прозрѣнію, по постиженію голоса стихій эта пьеса близко подходитъ къ Тютчевскому:

О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной..

„Нестройныя грезы“ заставляютъ душу человѣка откликаться на „странный голосъ“, который, поетъ „про древній хаосъ, про родимой“.

Такъ гений Пушкина соприкоснулся съ прозорливымъ Тютчевымъ.

Но, конечно, не первобытную природу стихій, не природу бурь и урагановъ, „подъ которыми хаосъ шевелится“, отразило мудрое зеркало „первой любви сердца Россіи“.

А. А. Татамшевъ.

Стихотвореній, стиховъ, отрывковъ изъ поэмъ и прозы, черновыхъ набросковъ, касающихся осени, имѣется у Пушкина не мало:

Къ 1814 году относится — шесть стиховъ пьесы „Осгаръ“, въ которыхъ имѣемъ описаніе осенней „безмѣсячной“ ночи и одинъ стихъ пьесы „Романсъ“, гдѣ находимъ эпитетъ осени „ненастная“.

Къ 1815 году—семь стиховъ „Посланія къ Ю.“, воспѣвающихъ каминъ „подъ вечеръ темной“.

Къ 1816 году—одинъ стихъ изъ пьесы „Уныніе“, пьеса „Осеннее утро“ и восемь стиховъ изъ пьесы „Къ Наташѣ“.

Къ 1819 году одинъ стихъ изъ „Посланія Энгельгардту“ и одинъ стихъ изъ пьесы „Домовому“.

Къ 1820 году—пьеса „Виноградъ“.

Къ 1821 году—четыре стиха пьесы „Я пережилъ свои желанья“.

Къ 1822 году—два стиха изъ „Братьевъ разбойниковъ“.

Къ 1824 году—пять стиховъ пьесы „Ненастный день потухъ“, и два стиха изъ „Цыганъ“.

Къ 1825 году—два стиха пьесы „Послѣдніе цвѣты“, десять стиховъ пьесы „19-ое октября“ и девять стиховъ изъ „Графа Нулина“.

Къ 1824—1826 гг.—21 стихъ изъ „Евг. Онѣг.“.

Къ 1826 году—два стиха изъ „Евг. Онѣг.“.

Къ 1827 году—одинъ стихъ изъ „Евг. Онѣг.“.

Къ 1828 году—шесть стиховъ изъ „Евг. Онѣг.“.

Къ 1830 году—одинъ стихъ пьесы „Бѣсы“, пьеса „Румяный критикъ мой“, пьеса „Осень“, „Ужъ осень холодомъ дохнула“, „Какъ быстро въ полѣ вдругъ открытомъ“, четыре стиха изъ „Евг. Онѣг.“, затѣмъ строки изъ „Станц. смотрит.“, „Барышни-крестьян.“, „Исторіи села Горюхина“.

Къ 1832—1833 гг.—строки изъ „Дубровскаго“, стихи изъ „Мѣднаго всадника“, два отрывка изъ „Попытки вернуться къ Евг. Онѣг.“.

Къ 1834—1836 гг.—строки изъ „Капитанской дочки“.

Къ 1836 году—шесть стиховъ пьесы „Когда за городомъ задумчивъ я брожу“.

ПУШКИНИСТЪ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

подъ редакціей профессора С. А. Венерова.

II.

ПЕТРОГРАДЪ.
Фотогилія и Типографія А. Ф. Дресслера, В. О., 2 линия, 43.
1916.